

Ж.-Л. Феррари
ВОСТОК И ЗАПАД «ОЙКУМЕНЫ»
ОТ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО ДО АВГУСТА:
ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ*

Важные открытия, сделанные за последние сорок лет, показали силу проникновения эллинизма в самые отдаленные края, где побывали войска Александра. В ходе раскопок П. Бернара в Ай-Ханум, на территории современного Афганистана (Бактрия в древности)¹, среди впечатляющих руин греческого города, название которого, к сожалению, по-прежнему остается неизвестным², были найдены два чрезвычайно интересных с этой точки зрения документа. Первый – опубликованная Л. Робером³ надпись из теменоса Киней (возможно, ойкиста города). Она включает фрагменты изречений семи мудрецов и эпиграмму некоего Клеарха (Л. Робер не без оснований видит в нем Клеарха из Сол, философа школы перипатетиков), сообщающего, что он их собственноручно переписал в Дельфах. Вторым документом, изданный К. Рапэном при содействии Г. Кавалло и П. Адо⁴, представляет собой «отпечаток» папируса, обнаруженный в одном из помещений (библиотеке?) дворца. Это фрагмент философского диалога, составленного кем-то из платоников либо представителей первого или второго поколений школы Аристотеля⁵. Кроме того,

* В основу статьи положен доклад, который был прочитан в Риме в 1991 г. на коллоквиуме, посвященном памяти С. Мадзарينو.

¹ Об этих раскопках, проводившихся в 1965–1978 гг., см. отчеты, которые регулярно публиковались в CRAI с 1966 по 1988 г., а также Fouilles d'Aï Khanoum I (MDAFA. 1973. 21 – отчеты и материалы за 1965–1968 гг.). Шесть томов итоговой публикации о раскопках Ай-Ханум вышли в Fouilles d'Aï Khanoum II–VII (MDAFA. 1983–1987. 26–31).

² П. Бернар вначале полагал, что это Александрия Оксиана, однако самые ранние из раскрытых слоев датируются лишь началом селевкидского периода (*Bernard P., Francfort H.-P. Études de géographie historique sur la plaine d'Aï Khanoum. P., 1978. P. 3–15; Bernard P. Alexandre et Aï Khanoum // JS. 1982. P. 125–138; Fouilles d'Aï Khanoum IV. 1985. P. 7, 34*). Недавно высказанная А. Нарайном гипотеза об основании этого города одним из Диодотов (*Narain A.K. On the Foundation and Chronology of Ai-Khanum: a Greek-Baktrian City // Orientalia Lovaniensia Analecta. 1987. 25. P. 115–130; idem. Notes on Some Inscriptions from Ai-Khanum (Afghanistan) // ZPE. 1987. 69. P. 277–282*) дает слишком позднюю датировку, учитывая характер некоторых находок, особенно обнаруженных вне кладов монет, опубликованных П. Бернаром в Fouilles d'Aï Khanoum IV. 1985 (данная публикация не могла быть учтена А. Нарайном, когда он работал над своими статьями). В истории Ай-Ханум было два крупных строительных периода: первый приходится на 280–250 гг., второй – на 180–150 гг. до н.э., когда город, по-видимому, стал столицей (или одной из столиц) Евкратиды I.

³ *Robert L. De Delphes à Oxus. Inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane // CRAI. 1968. P. 416–457 (= idem. Opera Minora Selecta. V. Amsterdam, 1989. P. 510–551).*

⁴ *Rapin C. Les textes littéraires grecques de la trésorerie d'Aï Khanoum // BCH. 1987. P. 225–265.*

⁵ П. Адо выдвинул осторожное предположение, что это фрагмент «Peri philosophias» Аристотеля. Во всяком случае палеография говорит в пользу довольно ранней датировки, возможно, серединой III в. до н.э.

в Кандагаре, на территории древней Арахосии, завоеванной Александром⁶, но не позднее 303 г. до н.э., по-видимому, вошедшей в империю Маурьев Чандрагупты⁷, были открыты две греческие надписи, которые относятся к знаменитому корпусу эдиктов Ашоки⁸ и выделяются совершенством языка и тем, что перелагают послания этого царя в понятия греческой философии. Даже если эти тексты были составлены на месте и адресовались грекоязычному населению империи Маурьев, все равно более серьезного внимания заслуживают определение «физэллин», которое дано царю Паталипутры в рассказе Ямбула (Diod. II. 60. 3), а также тот факт, что Амитрохада (Биндусара), отец Ашоки, просил Антиоха I направить к нему философа (Athen. XIV. 67. 652 f). Открытия в Бактрии и Арахосии произвели столь сильное впечатление по той простой причине, что превзошли наши ожидания, ибо проникновение на Восток греческой цивилизации, особенно ее связи с Индией, совсем не оправдывают возлагаемых надежд.

С. Мадзарينو показал, насколько «Persica» Ктесия повлияла на Александра, побудив того предпринять завоевание Индии, которое будто бы не удалось осуществить ни Семирамиде, ни Киру⁹. Александру тоже пришлось отступить, поскольку еще до того, как его собственное войско вынудило его повернуть назад, он узнал, что ему предстоит столкнуться с Магадхой – самым могущественным из индийских княжеств¹⁰. С другой стороны, можно задаться вопросом, не было ли создание империи Маурьев – самого крупного государства, когда-либо существовавшего в древней Индии, – в определенной степени реакцией на поход Александра, подобно тому как ранее пример Кира вдохновил его современника Бимбисару на создание княжества Магадхи¹¹. Уже в античных источниках Чандрагупта (Сандрокотт), основатель империи Маурьев, предстает одновременно в облике освободителя от македонского ига (Just. XV. 4.13–14,19) и деятеля, воплотившего замыслы Александра, которого он почитал так же, как сам Александр почитал Геракла, своего предка и предшественника в покорении Пенджаба¹². Так, у Сандрокотта в изображении Плутарха можно найти элементы *imitatio Alexandri*, которые Плутарх мог часто наблюдать у римских принцев. Однако империя Маурьев ни разу не упоминается как источник угрозы для наследников Александра, ни даже как государство-соперник в собственном смысле слова. Более того, Мегасфен, отправленный Селевком I в Паталипутру послом к Чандрагупте, видел в индийцах народ, который никогда не удавалось покорить, но который и сам никогда не испытывал и не проявлял ни малейшего желания покорять или завоевывать других¹³, народ, который хотя и был вполне цивилизованным¹⁴, тем не менее в определенной степени разделял с окраинными варварами ойкумены неспособность как выносить

⁶ Фрагмент сравнительно недавно обнаруженной греческой эпиграммы (Fraser P.M. The Son of Aristonax at Kandahar // *Afghan Studies*. 1979. P. 9–21; Oikonomides A.N. The Temenos of Alexander the Great at Alexandria in Arachosia // *ZPE*. 1984. 56. P. 145–147) не оставляет сомнений в том, что на месте совр. Кандагара был основан греческий город (скорее всего Александрия Арахосия).

⁷ Fouilles d'Ai Khanoum IV. 1985. P. 85–95.

⁸ Schlumberger D., Robert L., Dupont-Sommer A., Benveniste E. Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka // *JA*. 1958. P. 1–48; Pugliese Carratelli G. A Bilingual Graeco-Aramaic Edict by Asoka. Rome, 1964; Schlumberger D., Robert L. Une nouvelle inscription grecque d'Açoka // *CRAI*. 1964. P. 126–140; Benveniste E. Edits d'Asoka en traduction grecque // *JA*. 1964. P. 137–157; Harmatta J. Zu den griechischen Inschriften des Asoka // *Acta Ant. Hung.* 1966. S. 77–85. Если второй текст представляет собой греческий перевод (конец двенадцатого и начало тринадцатого наскальных эдиктов), то первый – скорее своего рода резюме послания Ашоки, которое могло быть сразу составлено по-гречески и по-арамейски.

⁹ Mazzarino S. Il pensiero storico classico. II. 1. Bari, 1966. P. 19–27.

¹⁰ Diod. XVII. 98. 2–3; Curt. IX. 2. 2–7; Plut. Alex. 62. 3–4.

¹¹ Wolpert S. A New History of India. Oxf., 1989. P. 55.

¹² Plut. Alex. 62. 9; Mor. 542 d. О завоевании Пенджаба «под знаком» Геракла см. Goukowski P. Essai sur les origines du mythe d'Alexandre. II. Nancy, 1981. P. 35–45.

¹³ Strabo. XV. 1. 6–8; Arr. Ind. V. 4; IX. 12.

¹⁴ Отсутствие у индийцев имперских притязаний Арриан (Ind. IX.12) объясняет присущим этому народу уважением к справедливости.

господство чужеземцев, так и властвовать над ними¹⁵, своего рода неисторический народ.

Мегасфен был не единственным греком, посланным ко двору Маурьев: Птолемей II направил туда некоего Дионисия, а Антиох I – Даймаха из Платей, автора сочинения «Indica», а также трактата «Peri eusebeias», где он развил ряд тем, ранее уже намеченных в «Peri eusebeias» Феофраста, воспользовавшись своими личными контактами с индийскими брахманами¹⁶. В свою очередь, список правителей, к которым Ашока, обращенный в буддизм, направил посольства с целью донести благое слово¹⁷, показывает, что в империи Маурьев располагали реальными сведениями о политической ситуации в эллинистическом мире. Впрочем, несмотря на все попытки отыскать какие-либо свидетельства в источниках, эта инициатива, кажется, осталась без последствий. Гипотеза о том, что проповедь миссионеров Ашоки способствовала возникновению общины ессенов и иудеев¹⁸, при всей своей привлекательности не подкрепляется фактами. Даже допуская, что буддизм действительно оказал влияние на учение ессенов, вовсе не обязательно искать истоки этого влияния в посольствах Ашоки к эллинистическим царям. Распространенность арамейского языка на территории бывшей Персидской державы, включая Западную Индию¹⁹, могла благоприятствовать обменам в пределах историко-культурных областей, сохранившихся после падения империи Ахеменидов. С другой стороны, в греко-римском мире имя Будды впервые появляется лишь у Климента Александрийского (Strom. I. 71.3–6) – несомненно, благодаря торговым контактам, развивавшимся с I в. н.э. между Южной Индией и Цейлоном, с одной стороны, и Красноморским бассейном и Египтом – с другой²⁰. Что касается молчания греческих и латинских авторов об отправленных Ашокой посольствах, то не приходится сомневаться, что мы точно так же не были бы осведомлены о желании его отца Амитрохады видеть при своем дворе греческого философа, не возымея царь счастливой идеи попросить наряду с философом вина и фиг. Кроме того, следует учитывать, насколько греческое мышление было способно усваивать чужеземные доктрины, о чем свидетельствует традиция, повествующая о брахманах. Наконец, не подлежит сомнению, что Ашока в тех случаях, когда он не обращался специально к буддийской общине, «проповедовал дхамму не столько как буддийский закон, сколько как всеобщую этическую норму и универсальный порядок»²¹ и ставил себя выше всех сект, желая быть их покровителем и призывая тем самым к взаимному уважению. Этот экуменизм должен был облегчить восприятие царских посланий, выраженных с помощью понятий, близких философскому языку эллинов, как показывают греческие надписи из Арахосии. Однако каковы бы ни были отношения эллинистических монархов с философами, приглашаемыми ко двору, каково бы ни было влияние философских представлений о монархии на образ, который стремился придать себе тот или иной правитель в своей пропаганде, – ни один эллинистический царь, насколько известно, не брался наставлять в морали других царей. Инициатива Ашоки не имела аналогий, и остается лишь удивляться, что она не

¹⁵ На эту тему см. *Plin. NH. II. 190; Sen. De Ira. II. 15.*

¹⁶ О Даймахе из Платей см. *Schwarz F. Daimachos von Plataioi. Zum geistesgeschichtlichen Hintergrund seiner Schriften // Mél. W. Brandenstein. Innsbruck, 1968. S. 223–230.* О Дионисии см. *Plin. NH. VI. 58; Solin. 52. 3.*

¹⁷ Антиох II, Птолемей II, Антигон Гонат, Магас из Кирены, Александр II Эпирский (а не Александр Коринфский, сын Кратера). Речь идет о тринадцатом наскальном эдикте; см. *Bloch J. Les Inscriptions d'Asoka. P., 1950. P. 130.*

¹⁸ См. *Dupont-Sommer A. Une nouvelle inscription araméenne d'Asoka // CRAI. 1970. P. 171–173; idem. Essénisme et bouddhisme // CRAI. 1980. P. 698–715; Philonenko M. Un Écho de la prédication d'Asoka dans l'Épître de Jacques // Mél. G. Widengren. V. I. Leiden, 1972. P. 254–265.*

¹⁹ Известно шесть арамейских надписей, относящихся к корпусу эдиктов Ашоки (в том числе греко-арамейская билингва из Кандагара): *Dupont-Sommer. Essénisme... P. 706–707.*

²⁰ *Dihle A. Indische Philosophen bei Clemens Alexandrinus // Mél. Th. Clauser. 1964. S. 60–70.*

²¹ *Filliozat J. La Valeur des connaissances gréco-romaines sur l'Inde // JS. 1981. P. 106.* См. также *Pugliese Carratelli G. Asoka e i re ellenistici // PP. 1953. P. 449–454; Thapar R. Asoka and the Decline of the Mauryas. Oxf., 1961. Ch. 5; Bongard-Levin G.M. Mauryan India. New Delhi, 1985. P. 362–369.*

только не нашла многочисленных подражателей, но даже не оставила по себе ни малейшего следа, хотя открытие греческих надписей из Кандагара позволяет говорить, что в этих посольствах могли участвовать греки Арахосии, способные достойно преподнести себя в придворных и интеллектуальных кругах Антиохии, Александрии или Пеллы.

В ходе контактов между эллинистическими монархиями и империей Маурьев, чей закат начался вскоре после правления Ашоки, появилась «Indica» Мегасфена²², в которой с достоверной информацией из первых рук перемешаны фантастические сведения, заимствованные у более древних авторов. Эта особенность сочинения Мегасфена, должно быть, вызывала раздражение у Страбона (II. 1.9), что, впрочем, не помешало ему широко использовать его в своей XV книге. Начиная с «Перипла» Скилака и «Истории» Геродота (III. 98–106) Индия заняла свое место в географических и этнографических сочинениях греков. Этапными здесь стали поход Александра, дипломатические контакты между Маурьями и Селевкидами, а также появившийся благодаря этим событиям Мегасфенов труд, даже если о нем и было сказано, что в нем «отражено скорее стремление к освоению чужой культуры с типично греческих этноцентристских позиций, нежели желание понять ее»²³. Отныне брахманы будут вызывать интерес, сопоставимый с интересом к магам, но едва ли мы обнаружим действительное понимание индийского мышления в *interpretatio graeca*, в частности, в диатрибах киников²⁴. В конце концов нигде, даже у Помпея Трога, который проводил параллель между свидетельствами о божественном происхождении Селевка I и *omina imperii* Сандрокотта²⁵, нет настоящего понимания исторического значения империи Маурьев. В греческой и латинской историографии Сандрокотт упоминается лишь эпизодически, на полях истории Александра и войн диадохов, тогда как его преемникам повезло и того меньше.

В 1938 г. У. Тарн опубликовал свою работу «Греки в Бактрии и Индии». Ее основная идея состояла в том, что «для истории Индии эпизод, связанный с греческим правлением, не имеет значения, поскольку является частью истории эллинизма, и именно в этом заключается его смысл... Всякая история эллинистических государств, не принимающая в расчет отдаленные восточные территории, увя, неполноценна, ибо существовало не четыре эллинистических династии (Селевкиды, Птолемеи, Антигониды, Атталиды), а пять – в любом случае Евтидеиды и с точки зрения масштабов подконтрольной им территории, и своими деяниями выглядят куда значительно больше Атталидов, находившихся под покровительством сначала Египта, а затем Рима»²⁶. Гигантская фреска, выполненная У. Тарном, великолепно иллюстрирует этот тезис, демонстрируя потрясающую интуицию автора, но также и чрезвычайную смелость его гипотез, шаткость которых лишь возрастала из-за недостаточно умелого обраще-

²² О Мегасфене см. работы Ф. Шварца (в кн.: *Altheim F., Stiehl R. Geschichte Mittelasiens im Altertum*. В., 1970. С. 283–296; а также *Schwarz F. Onesikritos und Megasthenes über den Tambapannidīpa // Grazer Beiträge*. 1976. С. 233–263) и А. Замбрини (*Zambrini A. Idealizzazione di una terra: etnografia e propaganda negli Indika di Megastene / Modes de contacts et processus de transformation dans les sociétés anciennes*. Rome, 1983. P. 1105–1118; *idem. Gli Indika di Megastene // ASNP*. 1982. P. 71–149; 1985. P. 781–853).

²³ *Zambrini. Gli Indika...* P. 851.

²⁴ О традиции, повествующей об Александре и брахманах, важные данные были введены в научный оборот после публикации фрагментов одного папируса II в н.э.: *Martin V. Un recueil de diatribes cyniques*, *Par. Genev. inv.* 271 // *MH*. 1959. P. 77–115; *Willis W.H., Maresch K. The Encounter of Alexander with the Brahmins: New Fragments of the Cynic Diatribe* P. *Genev. inv.* 271 // *ZPE*. 1988. 74. P. 59–83. Всестороннее исследование того, насколько эта традиция отражает настоящее знакомство с индийской мыслью, только предстоит, но заметим, что еще Онесикрит, посланный Александром к брахманам, сближал их учение с доктринами Пифагора, Сократа, а также Диогена, чьим учеником был он сам (*Strabo*. XV. 1. 65).

²⁵ *Iust.* XV. 4; ср. с замечанием Трога в *Prolog. XV: repetitae Seleuci res et regis Indiae Sandrocotti*. Об этом отрывке см. *Bussagli M. Indian Events in Trogus Pompeius // EW*. 1956. P. 229–242; *Schwarz F. Herrschaftslöwe und Kriegselephant. Literaturvergleichende Beobachtungen zu Pompeius Trogus // Mélanges J. Vermaeren*. V. III. Leiden, 1978. P. 1116–1142.

²⁶ *Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India*. Camb., 1938. P. XX.

ния с нумизматическим материалом, имеющим как раз первостепенное значение. Книга А. Нарайна, вышедшая в год смерти У. Тарна, опрокинула ряд его блестящих построений и, напротив, провозгласила, что «история [индо-греков] – это страница истории Индии, а не эллинистических государств; греки пришли, увидели, но победила Индия»²⁷. В значительной степени сама постановка проблемы здесь оказалась неверной: ведь греческие царства Бактрии и Индии принадлежали одновременно, хотя и в неравной степени – в зависимости от конкретной эпохи – и тому, и другому миру. (Точно так же раскопки Ай-Ханум открыли настоящий греческий город с гимнасием и театром, в то же самое время отмеченный – в архитектуре дворца и особенно святилищ – печатью глубокого влияния восточного мира, в недрах которого он находился.) Историю этих царств по-прежнему трудно писать по причине чрезвычайной скудости литературных и эпиграфических источников. Но по крайней мере находки многочисленных монет в археологическом контексте, изучение состава кладов, анализ чекана позволили заметно продвинуться вперед в классификации, определении относительной и даже абсолютной (со все еще необходимой осторожностью) хронологии нумизматического материала. Недавняя работа О. Бопираччи стала этапной в этом плане для историографии бактрийских и индо-греческих царств²⁸. Ниже я ограничусь рассуждениями преимущественно историографического характера.

Занятые Сирийскими войнами, военными операциями Антиоха II в проливах и во Фракии, «братоубийственной враждой» между Селевком II и Антиохом Гиераксом, пренебрегая – вынужденно или по собственной воле – своими восточными владениями, Селевкиды не смогли предотвратить, а затем и немедленно пресечь их отпадение. Повидимому, около 250 г. до н.э. отделились бактрийский сатрап Диодот и Андрагор, сатрап Парфиены, которую не замедлили захватить парны, основавшие Аршакидское царство²⁹. Процесс распада Селевкидской империи был на время приостановлен «триумфальным» походом Антиоха III в 212–205 гг. до н.э. Успех этого похода оказался в значительной степени иллюзорным, так как Антиох в конечном счете был вынужден признать царские титулы Аршака II в Парфии и Евтидема в Бактриане и довольствоваться тем, что добился временного признания своего главенства, так же как он поступил в отношении одного индийского царя, унаследовавшего западную окраину империи Маурьев³⁰. Но непрочность достигнутых результатов обнаружилась лишь со временем, и Полибий (XI. 34.14) без малейших оговорок пишет о победном возвращении Антиоха: «Так закончился поход Антиоха в глубь Азии. Он подчинил своей власти не только сатрапии Верхней Азии, но и приморские города и династов по эту сторону Тавра. В общем, он обеспечил безопасность своему царству и благодаря своим неустанным отваге и решительности произвел устрашающее впечатление на все народы, которые покорились ему. Своим походом он доказал народам не только Азии, но и Европы, что был достоин царского трона». Так что римляне разбили при

²⁷ Narain A.K. *The Indo-Greeks*. Oxf., 1957. P. 11.

²⁸ *Bopearachchi O. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques*. Catalogue raisonné. P., 1991; *idem*. Ménandre Sôter, un roi indo-grec. Observations chronologiques et géographiques // *Studia Iranica*. 1990. P. 39–85.

²⁹ В многочисленных работах, выходящих с 1947 г., Й. Вольский датирует восстание Андрагора 245 г. до н.э., а отделение Диодота и вторжение парнов – 240–238 гг. до н.э., см. из числа его последних исследований: *Wolski J. Le Problème de la fondation de l'État gréco-bactrien* // *Iranica antiqua*. 1982. P. 131–146. Однако нумизматический материал свидетельствует в пользу более ранней датировки отпадения Бактрии (*Fouilles d'Aï Khanoum IV*. P. 8; *Bopearachchi. Monnaies gréco-bactriennes...* P. 41–42).

³⁰ В отношении индийского царя, которого Полибий (XI. 34.11) называет Софагасеном, ведется спор, был ли он из династии Маурьев (*Eggermont P.H.L. New Notes on Asoka and His Successors* // *Persica*. 1965–1966. P. 58–69) или не был (*Thapar R. Asoka and the Decline of the Mauryas*. Delhi, 1973. P. 184, 190–196). Я не могу согласиться с предположением П. Эггермонта, поддерживаемым П. Фрээрером (*The Son of Aristonax...* P. 15. Not. 20), будто бы Антиох III отвоевал у Маурьев (и вручил под протекторат Деметрию, сыну Евтидема) Арахосию и Паропамисады – Полибий не преминул бы упомянуть о столь значительном успехе. Скорее можно, соглашаясь с Г.М. Бонгард-Левиным (*Maugyan India*. P. 99) и принимая во внимание факт похода Антиоха в Арахосию, говорить о том, что в 206 г. до н.э. империя Маурьев уже утратила некоторые из своих западных областей.

Магнесии и изгнали из Малой Азии правителя, который восстановил Селевкидскую державу и заново объединил Азию, и слава, завоеванная Антиохом во время его похода до самой Индии, в итоге досталась его победителям.

Династические распри, не в последнюю очередь провоцировавшиеся Римом, вконец ослабили селевкидское могущество, и парфянский царь Митридат I воспользовался этим, чтобы захватить Мидию (148/7 г. до н.э.), а затем и Месопотамию (141 г. до н.э.). Последнее событие, за которым вскоре последовало поражение и пленение Деметрия II, попытавшегося в 139 г. до н.э. отвоевать утраченные территории, уже выходит за хронологические рамки периода, описываемого в «Истории» Полибия (220–145 гг. до н.э.), может быть, это относится и к первому продвижению северных кочевников в Бактрию, где ими был захвачен греческий город, раскопанный в Ай-Ханум³¹. Напротив, в данные хронологические рамки вмещаются экспансия Бактрийского царства на юг, за Гиндукуш, повторный захват Паропамисад и Арахосии, установление контроля над Гандхарой, правление таких царей, как Деметрий (ок. 200–190 гг. до н.э.), Аполлотот (ок. 180–160 гг. до н.э.), Евкратид (ок. 170–145 гг. до н.э.) и отчасти Менандр (ок. 155–130 гг. до н.э.). Даже если отказаться от глобальных построений У. Тарна, писавшего о быстром завоевании Деметрием при помощи Аполлотота и Менандра территории, сопоставимой по масштабам с империей Маурьев, и о косвенном вмешательстве Селевкидов при посредничестве родственника и агента Антиоха IV – Евкратиды, образование греческого царства в Индии не перестанет казаться событием реальной исторической значимости. Единственные дошедшие до нас фрагменты Полибия, касающиеся Бактрии и Индии, связаны с походом Антиоха III (X. 49; XI. 34). Было бы опрометчиво судить *e silentio* и на основании этого делать вывод, что об этих государствах не шла дальнейшая речь: возникновение Парфянского царства не прервало связей между Бактрией и Месопотамией, и в монетной чеканке Тимарха, верховного наместника внешних сатрапий, который в 162 г. до н.э. восстал против Деметрия I, заметно влияние иконографии бактрийского монетного чекана Евкратиды I³². Но хотя Полибий и мог быть осведомлен об истории Бактрии после похода Антиоха III, так же, как и о его завоеваниях в Индии, вряд ли он проявлял к этим темам большой интерес. Ведь речь шла о событиях за пределами ойкумены, объединенной с помощью римских завоеваний, описание чего стало главной темой «Истории» Полибия и одновременно оправданием самого его замысла. «Особенность нашей истории и достойная удивления черта нашего времени состоят в следующем: почти все события мира судьба направила насильственно в одну сторону и подчинила их одной и той же цели; согласно с этим и нам подобает представить читателям в едином обозрении те пути, какими судьба осуществила великое дело» (Polyb. I.4.1)³³. Правда, эти строки были написаны тогда, когда Полибий намеревался завершить свое сочинение 168 годом до н.э. – временем ликвидации македонской монархии и установления неоспоримого «мирового» господства римлян. Впоследствии он решил продолжить свою «Историю» до 145 г. до н.э., когда, по его словам, наступил «новый период смут и волнений» (III.4.12), но, перечисляя важнейшие события этого периода, историк продолжал – в том, что касалось Востока – говорить лишь о вифинских и каппадокийских делах, а также о падении селевкидского царя Деметрия I, ставшего жертвой коалиции правителей Египта, Пергама и Каппадокии.

Продолжатели Полибия начиная с Посидония (FGrHist. 87 F 5, 12) наверняка должны были проявлять интерес к парфянам. Наряду с авторами всемирных историй среди писателей эллинистической эпохи, потеря трудов которых особенно достойна

³¹ На основании одного граффити, происходящего из слоя разрушений дворцовой сокровищницы и содержащего указание на год царствования, вероятно, Евкратиды I, П. Бернар датирует падение Ай-Ханум временем «не раньше 146 и не позже 142 г. до н.э.» (Fouilles d'Aï Khanoum IV. P. 99–105).

³² Ibid. P. 107–113.

³³ Цит. по: Полибий. Всеобщая история. I. СПб., 1994. Пер. с древнегреч. Ф.Г. Мищенко. – *Прим. переводчиков.*

сожаления, следует прежде всего назвать Аполлодора из Артемиды. Этот уроженец Месопотамии был автором «Parthica» («Парфянской истории»), состоявшей по меньшей мере из четырех книг (Athen. XV. 29. 682c-d), в которых, как сообщает Страбон, излагалась также история бактрийских царей и их завоеваний в Индии³⁴. Несмотря на возражения У. Тарна³⁵, не приходится сомневаться в том, что Помпей Трог тоже использовал сочинение Аполлодора, повествуя о бактрийцах в своей 41-й книге (первой из двух посвященных парфянам книг его «Историй»), из чего, разумеется, не следует, будто Аполлодор был единственным источником данной книги в целом³⁶. Мы не знаем в точности, когда создавался труд Аполлодора – скорее всего в начале I в. до н.э., во всяком случае после того как Месопотамия попала под власть Аршакидов. При этом эллинизм там не потерпел краха и не был обречен на скорое вымирание: Митридат I и его преемники называли себя «филэллинами» на монетах, чеканенных в Селевкии-на-Тигре³⁷, надписи на греческом языке, найденные во время раскопок Суз, показали, что город сохранил нетронутыми свои греческие установления и культуру вплоть до I в. н.э.³⁸ Афинский ритор Амфикрат, изгнанный из родного города после взятия его Суллой, счел неприемлемым для себя предложение открыть свою школу в Селевкии (Plut. Luc. XXII.6–7); однако при том же парфянском господстве (к сожалению, мы не располагаем более точной датой) один из соотечественников Амфикрата, стоик Архидем³⁹, не отказался отправиться в Селевкию с целью основать там школу (Plut. Mor. 605b). Создавая свое произведение, Аполлодор, безусловно, хотел, чтобы греческий мир лучше узнал парфян, подобно тому как Полибий знакомил греков с римлянами – причем с таким же трезвым приятием чужеземного господства, в конечном счете вполне переносимого. Уделяя значительное место греческим царям Бактрии и их завоеваниям в Индии, Аполлодор, видимо, хотел (возможно, в ответ на какое-то сочинение наподобие труда Полибия) написать историю всего эллинистического Востока, которому объединение Средиземноморья под эгидой Рима грозило отсечением на второй план.

Не известно, был ли Посидоний знаком с «Парфянской историей» Аполлодора: мы не можем установить с точностью соотносительную хронологию работ этих авторов. Страбон, который написал «продолжение Полибия», читал и использовал Аполлодора, но, бесспорно, в большей степени применительно к Парфии, чем греческим царствам Бактрии и Индии, если учесть тот скептицизм, который он высказывает в отношении последних в своей «Географии». Помпей Трог проявил к ним более глубокий интерес. Отметим, что в оглавлении его 41-й книги упоминаются цари Аполлодот и Менандр, тогда как в эпитоме Юстина сохранился лишь эпизод, повествующий о борьбе между Евкратидом и Деметрием. Оба отрывка дополняют друг друга, свидетельствуя как о богатстве информации в тексте сочинения Трога, так и о крайне фрагментарном характере дошедшего до нас материала.

Индийский мир, не сохранивший практически никаких воспоминаний об Александре

³⁴ Strabo. XV. 1. 3: ὁ τὰ Παρθικὰ ποιήσας, μνησθένος καὶ τῶν τῆν Βακτριανῆν ἀποστησάντων Ἑλλήνων παρὰ τῶν Συριακῶν βασιλέων; ср. XI. 11.1.

³⁵ Tarn. The Greeks... P. 44–50.

³⁶ Altheim, Stiehl. Geschichte Mittelasiens... S. 359–379 (опровержение аргументов У. Тарна). Об источниках 41-й и 42-й книг Трога см. также Liemann-Frankfort Th. L'Histoire des Parthes dans le livre XLI de Trogue Pompée: essai d'identification des sources // Latomus. 1969. P. 894–922; Alonso Núñez J.M. The Roman Universal Historian Pompeius Trogus on India, Parthia, Bactria and Armenia // Persica. 1988–1989. P. 125–155.

³⁷ Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les Parthes. P., 1965. P. 363–376. Филэллизм парфянских царей, на наш взгляд, излишне настойчиво отрицается в последних работах Й. Вольского (Wolski J. Les Parthes et leurs attitude envers le monde gréco-romain // Assimilation et résistance à la culture gréco-romaine dans le monde ancien. Actes du VIème Congrès de la F.I.E.C. Paris–Bucarest, 1976. P. 455–462; idem. Sur le «philhellénisme» des Arsacides // Gerión. 1983. P. 145–156).

³⁸ Надписи, собранные в VII томе SEG; см. также Le Rider. Op. cit. P. 285–287.

³⁹ Обычно его ошибочно отождествляют с Архидемом из Тарса, учеником Зенона из Тарса, который в свою очередь был преемником Хрисиппа на посту главы Афинской стои; см. Ferrary J.-L. Philhellénisme et impérialisme. Rome, 1988. P. 464.

(по крайней мере до исламского завоевания)⁴⁰, не обошел абсолютным молчанием греко-бактрийских царей. Некоторые указания письменных источников подтверждают историчность походов «яванов» вплоть до Мадхьямики, Шакекты и даже Паталипутры и показывают беспочвенность сомнений Страбона относительно завоеваний Менандра в Индии⁴¹. Но если грекам и удалось остаться в индийской памяти, то не столько в роли завоевателей, сколько в силу того, что они проявляли к культуре и религиям этой страны интерес, какого не знала эпоха Александра и Мегасфена. Нельзя утверждать, что Менандр обратился в буддизм, но «Вопросы Милинды» («Милиндапанья») не были бы составлены (датировка памятника, к сожалению, остается спорной), если бы этот царь не оставил о себе память как о деятельном покровителе буддийской общины⁴². Подтверждением этому могла бы служить одна надпись из Баджаура, если бы из нее следовало, что местный реликварий Будды был посвящен по приказу самого Менандра, однако смысл надписи вызывает споры, и другая ее интерпретация приписывает данное посвящение одному индийскому царьку, вассалу Менандра⁴³. В любом случае греком был областной правитель (меридарх) по имени Феодор, посвятивший Будде еще один реликварий в долине Свата⁴⁴. Впрочем, не только буддизм снижал симпатии индо-греков. В знаменитой надписи из Беснагара посланник царя Антиалкида (ок. 115–95 гг. до н.э.) Гелиодор, сын Диона, грек родом из Таксилы, без колебаний объявляет себя приверженцем Вишну-Кришны⁴⁵. Не забудем и того, что Агафокл, выпустивший в 190–180 гг. до н.э. первые индо-греческие монеты, не остановился перед тем, чтобы отчеканить в Таксиле драхмы с вишнуистской иконографией на аверсе и реверсе. Правда, такой вольности мы больше не увидим у преемников Агафокла: по-видимому, она объяснялась временной необходимостью обратиться к услугам индийских гравиров⁴⁶.

Впрочем, при чтении Страбона нет ощущения, что Аполлодор Артемитский существенно углубил представления об Индии, полученные греками от Мегасфена.

⁴⁰ Lévi S. Alexandre et Alexandrie dans les documents indiens // Mél. Maspero. II. Le Caire, 1934–1937. P. 155–164. Предполагаемое знакомство древней Индии с греко-римским миром было бы еще более основательным, если бы можно было поверить в существование текстов, которые С. Паранавитана прочитал, как он утверждает, на сингалских камнях (*Paranavitana S. The Greeks and the Mauryas. Colombo, 1971*), однако скептицизм, с каким отнеслись к этому открытию, представляется целиком оправданным.

⁴¹ Ссылки на источники см. *Narain. The Indo-Greeks. P. 82–83; Boppearachchi. Ménandre Sôter... P. 49–51*. В то же время надпись на брахми, найденная в Рехе, в 100 км к западу от Косамби, в долине одного из притоков Ганга, связана скорее не с Менандром (*Sharma G.R. Reh Inscription of Menander. The Indo-Greek Invasion of the Ganga-Valley. Allahabad, 1980*), а с более поздним индо-парфянским правителем (*Boppearachchi. Ménandre Sôter... P. 51. Not. 64*).

⁴² Foucher A. À propos de la conversion au bouddhisme du roi indo-grec Ménandre // Mém. Ac. Inscr. 1943. P. 259–295; Lamotte E. Histoire du bouddhisme indien des origines à l'ère Sâka. Louvain, 1958. P. 461–469; *Boppearachchi. Ménandre Sôter... P. 47–49*.

⁴³ Первый раз реликварий был посвящен во время правления Менандра, а второй – спустя по крайней мере сто лет. Проблема заключается в датировке правления некоего Вяксамитры, называемого «несравненным царем». По мнению Н. Маджумдара, первого издателя надписи (*Majumdar N.G. The Bajaur Casket of the Reign of Menander // Epigraphia Indica. 1937. 24. P. 1–8*), и А. Нарайна (*The Indo-Greeks. P. 79–80*), Вяксамитра был царем-вассалом Менандра и инициатором первого посвящения. Напротив, С. Конов (*Konow S. Note on the Bajaur Inscription of Menandros // Epigraphia Indica. 1947–1948. 27. P. 52–58*) полагает, что Вяксамитра – это иное написание имени Виджаямитры, совершившего повторное посвящение, тогда как первое «очевидно, проводилось по приказу Менандра».

⁴⁴ *Konow S. // CII. II. 1. Calcutta, 1929. № I.*

⁴⁵ *Marshall J. Notes on Archaeological Exploration in India // JRAS. 1909. P. 1055; Narain. The Indo-Greeks. P. 118–120. Pl. VI; Filliozat J. La Valeur des connaissances... P. 119–120; Boppearachchi. Monnaies gréco-bactriennes... P. 95–96.*

⁴⁶ *Bernard P. La campagne de fouilles de 1970 à Ai Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1971. P. 439–446; Filliozat J. Représentations de Vâsudeva et Samkarsana au IIème siècle avant J.-C. // Arts asiatiques. 1973. P. 113–121; Narain A.K. The Two Hindu Divinities on the Coins of Agathocles from Ai Khanoum // JNSI. 1973. P. 73–77; Audouin R., Bernard P. Trésors d'Ai Khanoum // RN. 1974. P. 30–38; Boppearachchi. Monnaies gréco-bactriennes... P. 56–59, 175.*

Возможно, Аполлодор, превознося Менандра за то, что в завоевании Индии он пошел дальше самого Александра, в большей степени стремился прославить мощь эллинизма на Востоке, чем показать, как исключительная ситуация, в которую попали индо-греки, порождала качественно новые отношения между эллинизмом и иной цивилизацией. Уже в наше время стали сближать традицию, касающуюся непосредственно Будды, и строки Плутарха о соперничестве между городами, которые поделили между собой останки Менандра и возвели над ними каждый свой памятник⁴⁷. Но Плутарх довольствовался противопоставлением этого примера участи жены и детей Дионисия – без малейшего намека на какую-либо экзотику. Ни один текст, ни одна греческая надпись (или билингва, подобная легендам на монетах) не дошли до нас от индо-греческих государств. Говоря о языке (языках), использовавшемся при управлении этими государствами, предпочтительнее ограничиться осторожными выводами С. Конова и Дж. Маршалла⁴⁸, тогда как попытка У. Тарна найти в основе «Милиндапаньхи» «краткий греческий вопросник Менандра», один из списков которого будто бы достиг Александрии и оказал влияние на Псевдо-Аристеея, выглядит неубедительной⁴⁹. Остается лишь сожалеть об отсутствии каких бы то ни было индо-греческих эпиграфических или литературных текстов и оплакивать утрату сочинения Аполлодора Артемитского, а также почти всех «всемирных историй», написанных греками I в. до н.э. и эпохи Августа: Посидонием, Страбоном, Тимагеном и Николаем Дамасским, наконец, труда Помпея Трога, который лишь отчасти компенсируют прологи и извлечения Юстина. Эти лакуны уже никогда не восполнить, сколь бы значительными ни были уже достигнутые или ожидаемые в будущем успехи в изучении нумизматического материала.

В начале своей «Истории» Полибий, пытаясь убедить читателя в том, «сколь необычен и важен предмет» его сочинения, сравнивает Римское государство со «знаменитейшими державами прежнего времени» – персов, лакедемонян и македонян. Относительно последних он пишет: «Владычество македонян в Европе обнимало пространство от побережья Адриатики до реки Истра, что составляет весьма небольшую долю этой страны; впоследствии, сокрушив мощь персов, они приобрели и власть над Азией. Как, по-видимому, ни далеко простиралась их власть, и как ни была она обширна, все же македоняне не коснулись большей части известного тогда мира. Ибо они и не помышляли никогда о покорении Сицилии, Сардинии и Ливии, а о наиболее воинственных народах западной Европы, собственно говоря, не имели и понятия. Между тем римляне покорили своей власти *не несколько областей, но почти все народы, и поэтому нет никого, кто мог бы оказать римлянам сопротивление сегодня или смел надеяться превзойти их в будущем*»⁵⁰. Во всяком *σὺγκρισίς*⁵¹ есть доля риторики: у Полибия она заключается в том, чтобы подчеркнуть ограниченность македонского владычества в Европе, не упоминая о пределах римского господства в Азии. Впрочем, уход из Египта Антиоха IV просто по приказу римского посла показал, что Селевкиды ощущали свою неспособность противостоять новым властелинам мира; кроме того, как уже говорилось, Полибий был слишком увлечен темой объединения Средиземноморья под началом Рима, чтобы уделять такое же внимание центробежным процессам, наблюдавшимся в восточной части древней империи Александра – Селевкидском царстве.

⁴⁷ *Plut.* Mor. 821 d-e. Данная тенденция восходит к Т. Рис Дэвидсу (чья попытка провести такую параллель выглядит более умеренной, чем у его преемников), см. предисловие Т. Рис Дэвидса к первому европейскому переводу «Вопросов Милинды» (*The Sacred Books of the East*. Т. 35. Oxf., 1890. P. XX).

⁴⁸ *Konow* // *CII*. II. 1. P. 1; *Marshall J.* *Taxila*. I. Camb., 1951. P. 41.

⁴⁹ *Tarn.* *The Greeks...* P. 414–436. Идея, что автор «Вопросов Милинды» был в какой-то степени знаком с греческой философией, недавно вновь прозвучала в статье: *Roccasalvo J.F.* *Greek and Buddhist Wisdom: An Encounter between East and West* // *Intern. Philos. Quart.* 1980. P. 73–85, правда, на этот раз без возврата к гипотезе (и даже без ее упоминания) о греческом прототипе рассматриваемого произведения.

⁵⁰ *Polub.* I. 2. 1–8 (цит. по: *Полибий*. *Всеобщая история*. I. Пер. с древнегреч. Ф.Г. Мищенко; курсивом отмечен перевод Полибия по тексту французского оригинала. – *Прим. переводчиков*).

⁵¹ Сопоставление, сравнение (древнегреч.). – *Прим. переводчиков*.

Утверждая, что македоняне не пытались завоевать Сицилию, Сардинию и Африку, Полибий подразумевает могущество Карфагена, увеличившего свои иберийские владения только после первой Пунической войны. Довольно рано сицилийские полисы стали сравнивать свою борьбу против Карфагена с Греко-персидскими войнами, и якобы имевшая место одновременность сражений при Гимере и Саламине приобретала в этом плане символическое значение. Геродот учел эту традицию, но не рискнул примкнуть к ней (VII. 165–167), у Эфора же она взяла верх наряду с утверждением о согласованности действий персов и карфагенян, стремившихся взять греческий мир, словно в клещи, и раздавить его (FGrHist. 70 F 186). Ф. Готье исследовал обстоятельства, способствовавшие такому переписыванию истории, в частности, он показал, что в последнее десятилетие V в. до н.э. над сицилийскими греками нависла реальная угроза карфагенской экспансии, и события 480 г. до н.э. были ретроспективно истолкованы как ее первый этап⁵². Заметим также, что Полибий рассматривает Эфора как «первого и единственного [до него самого], кто написал всемирную историю» (V.33.2) и что предположение о союзе между Ксерксом и Карфагеном, между восточными и западными варварами, казалось особенно заманчивым в рамках замысла всемирной истории: оно давало Эфору, говоря словами Полибия, его *συμπλοκή*⁵³. Однако, если проанализировать на основе сохранившихся фрагментов композицию труда Эфора, то можно сделать вывод, что появившийся интерес к западному миру (книги 7, 12, 16, 28 и 29) сочетается в нем с меньшим, избирательным вниманием к миру азиатскому (сохранившиеся фрагменты книг 8 и 9 касаются Лидии и Персидского царства и не содержат ни одного упоминания об ассирийцах или вавилонянах). Со всемирной истории Эфора началось смещение (по сравнению с первыми сочинениями ионийцев) интереса к Западу, которое по понятным причинам было приостановлено походом Александра, прежде чем проявиться вновь, еще более отчетливо, у Полибия.

Коль скоро карфагенян причислили к западным «двойникам» персов, идея похода против Карфагена неминуемо должна была рассматриваться как естественное продолжение завоевания Персидской державы, и такой замысел должен был вынашиваться Александром или по крайней мере приписываться ему. Поскольку речь не идет о слишком поздней традиции, как полагал У. Тарн⁵⁴, не имеет большого значения, лелеял ли Александр подобные планы в действительности или нет, – в нашем случае существенно то, какие именно замыслы, не осуществившиеся из-за преждевременной смерти македонского царя, ему приписывались. Эта традиция представлена двумя версиями: нападение на Карфаген после плавания вокруг Африки (данная версия, видимо, являет собой экстраполяцию реальных замыслов Александра относительно плавания вокруг Аравии⁵⁵), а также более правдоподобная и, без сомнения, более ранняя версия экспедиции против Карфагена по Средиземному морю. Она упоминается Диодором в *hupomnemata* Александра, будто бы зачитанных Пердиккой перед войском. Источник сообщения Диодора ранний: либо Иероним из Кардии, либо Клитарх⁵⁶. Вероятно, к последнему автору восходит упоминание о статуе Аполлона в связи с осадой Тира Александром: жители осажденного города, подозревая божество в желании перейти на сторону врага, заковали статую в цепи, а

⁵² Gauthier Ph. Le parallèle Himère – Salamine au Ve et au IVe siècle av. J.-C. // REA. 1966. P. 5–32.

⁵³ Соединение, связь (древнегреч.). – Прим. переводчиков.

⁵⁴ Tarn W.W. Alexander the Great. V. II. Camb., 1948. P. 378–398. Сообщения античных авторов, касающиеся последних планов Александра, У. Тарн датирует временем не ранее II в. до н.э. Опровержение этого мнения см. Schachermeyr F. Die letzten Pläne Alexanders des Grossen // JOeAI. 1954. S. 118–140.

⁵⁵ Arr. Anab. VII. 1. 1–4; Plut. Alex. 68 (без упоминания о планах экспедиции против Карфагена); Curt. X. 1. 10–19 (отрывок труднообъясним, возможно, в нем соединены две версии). О подготовке Александра к аравийской кампании упоминает Аристокл (Arr. Anab. VII. 19. 3–20. 2; Strabo. XVI. 1.11).

⁵⁶ Diod. XVIII. 4.4. О *hupomnemata* см. блестящую статью Э. Бэдиана (Badian E. A King's Notebooks // HSCPh. 1968. P. 183–204). Вслед за Ф. Шахермайром Э. Бэдиан не сомневается, что источником Диодора был Иероним; см., однако, возражения Дж. Хорнблауэр (Hornblower J. Hieronymus of Cardia. Oxf., 1981. P. 87–97).

Александр, захватив город, воздал ей почести⁵⁷. К сообщению Клитарха Тимей добавляет, что статуя была подарена Тиру карфагенянами, захватившими ее во время экспедиции против Гелы, и что Тир пал точно в день годовщины совершенного в Геле святотатства⁵⁸. Без сомнения, через того же Тимея традиция, согласно которой карфагеняне, обеспокоенные падением Тира, послали своего человека шпионить за Александром, дошла до Энния⁵⁹. Во всяком случае, римлянам II в. до н.э. замысел похода (или слухи о нем) Александра на Карфаген был хорошо известен, и Сципион Эмилиан повел себя как преемник македонского царя, когда после взятия Карфагена вернул полисам Сицилии произведения искусства, захваченные пунийцами, подобно тому как Александр, согласно традиции, возвратил грекам их творения, некогда увезенные Ксерксом⁶⁰.

Примечательно, что первый бесспорный пример *imitatio Alexandri* со стороны римлян приписывается сыну Эмилия Павла – разрушителя македонской монархии. В глазах Полибия падение Антигонидов означало конец целой эпохи, оно ему напомнило размышления, которые на Деметрия Фалерского навели падение Персидского царства и возникновение Македонской империи (Polyb. XXIX. 21). Позднее Помпей Трог также подчеркивал важность этого события: упомянул македонских правителей от Карана до Персея, продолжительность этой династии, время, в течение которого она господствовала над миром (Just. XXXIII. 2.6). Но говоря о появлении между Ферой и Ферийской островом Гиеры, а также о разрушившем Родос и многочисленные города Азии землетрясении как раз накануне сражения при Киноскефалах, Трог сообщает о пророчествах, гласивших, что «нарождающаяся империя римлян поглотит старую империю греков и македонян»⁶¹. Напрашивается сравнение с оракулом Сивиллы, текст которого сохранился у Плутарха:

Время наступит, когда финикийян троянское племя
В битве большой победит, – и тогда же явления чуда
Произойдут: огнем невиданным вспыхнет пучина,
Молнии ринутся ввысь, ураганом несясь через воду,
Груды камней из глубин за собой увлекая, – и остров
Смертным доселе неведомый, встанет, – и слабые люди
Более сильных себе подчинят, одолев их в сраженьях⁶².

Χεῖρων одерживает победу над κρείσσων, более слабый – над более сильным (или, из-за двусмысленности слов, худший – над лучшим); оракул не уточняет, о ком идет речь, и Плутарх, смущенный, что этими χεῖρονες ἄνδρες могли быть римляне, комментирует отрывок так, будто речь в нем идет о войне Филиппа «против этолийцев и римлян». В любом случае здесь говорится о «чуде», об ἀπίστον ἔργον, таком, как рождение острова или огонь, полыхающий на море. Оракул прекрасно отражает преобладавшие после Киноскефал настроения, которые заставили Полибия пространно

⁵⁷ *Diod.* XVII. 41. 7–8; 46.6. О том, что Александр в 332 г. до н.э. объявил войну Карфагену, о чем он уведомил карфагенских послов, находившихся в Тире, сообщает только Курций Руф (IV. 4.18), поэтому было бы неосторожно приписывать эту традицию Клитарху.

⁵⁸ *Diod.* XIII. 108. 4 (=FGrHist. 566 F 106); ср. *Curt.* IV. 3. 21–22 (статуя происходит из Сиракуз, а не из Гелы). См. *Sordi M. Alessandro Magno e l'eredità di Siracusa // Aevum.* 1983. P. 14–23.

⁵⁹ *Enn.* Fr. 213 (Skutsch); ср. *Just.* XXI. 6; *Oros.* IV. 6.21; *Frontin.* Strat. I. 2.3.

⁶⁰ Сципион Эмилиан: *Diod.* XXXII. 25; *App.* Lib. 133. 631; *Cic.* II Verr. II. 35.86; IV. 33.73; *Liv.* Per. 51; *Val. Max.* V. 1.6; *Plut.* Aroph. Sc. min. 6; *Eutr.* IV. 12; Александр: *Arr.* Anab. VII. 19.1–2; об этом эпизоде см. *Ferrary.* Philhellénisme et impérialisme. P. 578–588.

⁶¹ *Just.* XXX. 4.1–4. Относительно даты см. *Holleaux M. Études d'épigraphie et d'histoire grecques.* IV. P., 1952. P. 209–210.

⁶² *Plut.* De Pyth. oracul. 11 (цит. по: *Плутарх.* Исида и Осирис. Киев, 1996. Пер. с древнегреч. Л.А. Фрейберг. – *Прим. переводчиков*). Дж. Фонтенроуз показал, что здесь следует говорить о Сивиллином, а не дельфийском оракуле (*Fontenrose J. The Delphic Oracle.* Berkeley, 1978. P. 160 f., 168–170), этого же мнения придерживается Г.У. Парке (*Parke H.W. Sibyls and Sibylline Prophecy in Classical Antiquity.* L., 1988. P. 129–131).

рассуждать о явном превосходстве легиона над фалангой, «чтобы не уподобляться глупцам, которые только и делают, что рассуждают о судьбе и беспричинно славят победителей, но чтобы, зная об истинных причинах, обоснованно хвалить сильных мира сего» (XVIII. 28.5)⁶³. Нет ничего невозможного в том, что сражение при Киноскефалах породило многие пророчества ех eventu; но столь же вероятно, что Трог переистолковал некий оракул, передающий состояние смятения у греков из-за поражения считавшейся дотоле непобедимой фаланги, превратив его в пророчество, в котором доминирует бывшая в 197 г. до н.э. еще анахронизмом тема *translatio imperii*.

Эти тексты оракулов, сохранившиеся лишь в нескольких образцах, являются драгоценным и недостаточно привлекаемым свидетельством того состояния духа, в котором пребывало греческое общество, и тех пропагандистских мотивов, которые в нем получили распространение. Еще один оракул Сивиллы, связанный с поражением Филиппа V, цитируется Павсанием и Аппианом:

Вы, македонцы, гордитесь господством царей Аргеадов.
Будет для вас царь Филипп и благом великим и горем.
Первый даст городам и народам царей полновластных;
Всю эту славу погубит последний Филипп, побежденный
Силой людей, пришедших от запада и от востока⁶⁴.

Люди с Востока, пишет Павсаний, – пергамцы, которые сражались тогда на стороне римлян, но появление пергамцев вызывает удивление, ибо лавры победителей, как об этом свидетельствуют Полибий и эпиграмма Алкея из Мессены, достались римлянам и этолийцам, принявшим спаривать их друг у друга⁶⁵. С учетом того, что данный оракул ех eventu был составлен не в Греции, а представляет собой образчик пергамской пропаганды, пущенной в ход сразу после Киноскефал или, скорее, в 180-е годы до н.э., когда Эвмен II и Филипп V ожесточенно боролись между собой за контроль над городами фракийского побережья⁶⁶. В это время Эвмен развернул активное дипломатическое наступление на Грецию, о чем свидетельствует преамбула к декрету амфикионов, принятому в 182 г. до н.э., согласно которому царя почтили конной статуей, а также признавался почетный характер никефорий в Пергаме (Syll³. 630). Подобно декрету амфикионов, оракул Сивиллы прославляет обретение Грецией свободы и отмечает роль в этом пергамских царей – союзников римлян. Филипп V фактически свел на нет труды Филиппа II по установлению македонского господства над Грецией. Об империи Александра и *translatio imperii* в пользу Рима здесь пока еще нет и речи.

Наиболее значительная группа оракулов, дошедшая до нас от этого периода, приводится в третьей главе «*Mirabilia*» Флегона из Тралл. К данному тексту в целом, которому я посвятил достаточно подробное исследование⁶⁷, не стану возвращаться, обращу лишь внимание на весьма любопытный первый оракул, приписываемый «стратегу Поплию» (без всякого сомнения, Сципиону Африканскому):

⁶³ См. также *Polyb.* XVIII. 32.13: «Я считал нужным остановиться подольше на этом предмете, так как и в наше время, когда македоняне были побеждены, многим из эллинов такой исход борьбы казался чем-то невероятным, и впоследствии часто может возникать вопрос, почему и каким образом фаланга одолена была военным строем римлян» (цит. по: *Полибий*. Всеобщая история. II. СПб., 1995. Пер. с древнегреч. Ф.Г. Мищенко. – *Прим. переводчиков*).

⁶⁴ *Paus.* VII. 8.9; *App. Maced.* fr.2, где иной вариант пятой строки является, по всей видимости, *versio facilior* оригинального текста, возникшей после того как намек на пергамские отряды перестал быть понятным (цит. по: *Аппиан*. Римские войны. СПб., 1994. Пер. с древнегреч. С.П. Кондратьева. – *Прим. переводчиков*).

⁶⁵ *Polyb.* XVIII. 27.4; 34. 1–2; *Plut. Flam.* 9. Об эпиграмме Алкея, дошедшей в измененном виде в составе «Палатинской антологии» (VII. 247) и чей латинский перевод был обнаружен среди «*Epigrammata Bobiensia*» (№ 71), см. *Walbank F.W.* *Alcaeus of Messene, Philip V and Rome // CQ.* 1943. 1–3; *Kuijper D.* *De Alcaeo Messenio unius carminis bis retractatore / Studi Cataudella.* Catania, 1972. V. 2. P. 243–260.

⁶⁶ *Polyb.* XXII. 6; 11. 1–4; XXIII. 1.4–7; 3.1–3.

⁶⁷ *FGrHist.* 257 F 36; см. *Ferrary.* *Philhellénisme et impérialisme.* P. 238–263.

О моя отчизна, какую беспощадную войну замышляет против тебя Афина: после того как разорив богатую Азию, ты достигнешь италийской земли и венценосных городов милого сердцу острова Фринакии⁶⁸ – порождения Зевса, с окраин Азии, оттуда, где восходит солнце, придут неустрашимые и дерзкие воины и, переправившись через узкий Геллеспонт, их царь заключит мир с правителем Эпира⁶⁹. Этот царь пойдет на (Авзонию)⁷⁰ бесчисленным войском, собранным со всех областей Азии и возлюбленной Европы, он покорит тебя, он разорит твои дома, разрушит стены твоих городов и всех, лишив свободы, обратит в рабство, чтобы унять великий гнев Афины.

Этот оракул появился до битвы при Пидне, поскольку *κοίρανος Ἠπειρώτης*, с которым объединится пришедший из Азии царь, – не кто иной, как македонский правитель. Й. Гаугер справедливо отметил двусмысленность этого выражения, которое может одновременно означать «второго Пирра» и «владыку суши»⁷¹. Заметим также, что союз между азиатским царем и *κοίρανος Ἠπειρώτης* должен был позволить объединить против римлян войска, собранные со всех мест Азии и Европы, так что *κοίρανος Ἠπειρώτης*, – возможно, своего рода литота выражения *κοίρανος Εὐρώπας* (титул, которого Филипп V удостоен в анонимной эпиграмме, датируемой Ф. Уолбэнком 201 г. до н.э.)⁷². Оракул, приведенный Флегоном, был составлен после 189 г. до н.э. (поскольку в нем говорится о разграблении Азии римскими войсками), и хотя македонского царя уже нельзя назвать *κοίρανος Εὐρώπας*, все равно за римлянами еще не признается господство над Европой. Азия и «Европа», или Балканский полуостров⁷³, которая, еще надеялись, сможет объединиться с Азией против Рима, признавали римское господство, как это ясно следует из оракула, лишь над Италией и Сицилией. Все еще оставалось четким разграничение между теми областями эллинистического мира, которые были окончательно включены в состав римского государства (Италия, Сицилия), и теми, где римское господство пока еще не было безоговорочным (собственно Греция, Азия). В данном тексте, возможно датируемом 180-ми годами до н.э., предстает политическая география, сложившаяся после второй Пунической войны. Эту географию не изменили победы римлян при Киноскефалах и Магнесии, но (и именно в этом основной урок «Истории» Полибия) она не могла оставаться прежней после битвы при Пидне.

Если сражение у Пидны и наводит Полибия на мысли о превратностях судьбы и заставляет его процитировать слова Деметрия Фалерского, навеянные крушением империи персов и подъемом македонской монархии, все же напрасно мы стали бы искать у этого историка теорию смены империй: римское государство для него – единственная настоящая мировая держава, сравнивая ее с былыми державами, он вперемежку приводит персов, лакедемонян и македонян. Более продуманный ряд сравнений предложил позже Дионисий Галикарнасский⁷⁴: продолжив сопоставление с

⁶⁸ Или «Тринакрии» – древнегреческое название Сицилии. – Прим. переводчиков.

⁶⁹ Или «с повелителем континента».

⁷⁰ Латинское поэтическое название Италии. – Прим. переводчиков.

⁷¹ Gauger J.-D. Phlegon von Tralleis, *mirab.* III. Zu einem Dokument geistiges Widerstandes gegen Rome // Chiron. 1980. S. 253 f.

⁷² Anth. Pal. XVI. 6; см. Walbank. Alcaeus of Messene... P. 137–145.

⁷³ О сохранении в эллинистическую эпоху этого древнего представления о Европе как прежде всего Балканском полуострове см. Zecchini G. Polibio, la storiografia ellenistica e l'Europa // L'Europa nel mondo antico / A cura di M. Sordi. Milano, 1986. P. 124–134.

⁷⁴ Dion. Hal. Ant. Rom. I. 2–3; см. Kaibel G. Dionysios von Halikarnassos und die Sophistik // Hermes. 1885. S. 497–513; Alonso Núñez J.M. Die Abfolge der Weltreiche bei Polybios und Dionysios von Halikarnassos // Historia. 1983. S. 411–426.

лакедемонской, а теперь еще и с афинской, гегемонией, он особо выделил смену империй – ассирийской, мидийской, персидской и македонской, каждая из которых превосходила предыдущую своим могуществом. Однако впервые четко и ясно идея преемственности империй от Ассирии до Рима сформулирована в глоссе, интерполированной в текст Веллея Патеркула: «Эмилий Сура [в сочинении] "О возрастах римского народа" пишет: "Ассирийцы первыми из всех народов обладали властью над миром, затем – мидийцы, после них – персы, позднее – македоняне. Потом, после победы над двумя царями македонского происхождения, Филиппом и Антиохом, вскоре после подчинения Карфагена, верховная власть перешла к римскому народу. Между этим временем и началом власти ассирийского царя Нина, впервые добившегося мирового господства, прошла одна тысяча девятьсот девяносто пять лет"⁷⁵.

Дж. Свейн в своей знаменитой статье⁷⁶ датировал этот текст 180–170-ми годами до н.э., поскольку в нем не упоминаются ни победа при Пидне, ни разрушение Карфагена. В данном отрывке, по мнению автора статьи, присутствует та же теория мировых империй, что и во второй главе «Книги Даниила», а именно – идея преемственности пяти империй, последней из которых суждена вечность. Поскольку «Книга Даниила» свой окончательный вид приняла в 168–165 гг. до н.э.⁷⁷, и при том, что невозможно предполагать ни прямое влияние Суры на ее окончательную редакцию, ни, наоборот, влияние предыдущих версий книги на Суру, Дж. Свейн предположил существование некоего общего источника, скорее всего, иранского происхождения. Именно иранцы во время селевкидского владычества на Востоке могли представить, что после ассирийского, мидийского, персидского и македонского царств наступит апокалипсис, за которым последует возвращение навеки некой восточной империи. Иудеи в ходе борьбы с Антиохом IV могли приспособить эту схему, заменив ассирийцев халдеями Навуходоносора и провозгласив пришествие царства Божьего после всех этих империй. Еще раньше, когда римские легионеры, столкнувшиеся с населением иранских колоний, основанных в Малой Азии Киром и Дарием, познакомились с такой философией истории, у Эмилия Суры возникла мысль превратить Рим в ту пятую империю, которой уготована вечность. Данная тема, однако, едва ли получила распространение в Риме, где под влиянием Катона отгораживались от всего, что шло с Востока. По-настоящему она получила признание в форме, имевшей антиримскую направленность (Риму отводилась роль четвертой империи), сначала у Помпея Трога, возможно, находившегося под влиянием парфянской пропаганды, но в особенности у христиан, для которых *пришествие*⁷⁸ было связано с пятой империей. Эти положения Дж. Свейна быстро снискали успех как у историков эллинистического

---

⁷⁵ *Vell. Pat.* I. 6.6: *Aemilius Sura de annis populi Romani: Assyri principes omnium gentium rerum potiti sunt, deinde Medi, postea Persae, deinde Macedones; exinde duobus regibus Philippo et Antiocho, qui a Macedonibus oriundi erant, haud multo post Carthaginem subactam devictis, summa imperii ad populum Romanum pervenit. Inter hoc tempus et initium regis Nini Assyriorum, qui princeps rerum potitus (est), intersunt anni MDCCCXCXV.* (Приведенный выше перевод цит. по: *Немировский А.И., Дашкова М.Ф.* «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985. С. 68. Пер. с лат. А.И. Немировского. – *Прим. переводчиков*).

⁷⁶ *Swain J.W.* *The Theory of the Four Monarchies. Opposition History under the Roman Empire* // CPh. 1940. P. 1–21.

⁷⁷ Датировка, как известно, была установлена в III в. н.э. философом-неоплатоником Порфирием. Однако в этой последней дошедшей до нас редакции «Книги Даниила», в главах с первой по шестую, использовались, несомненно, в переработанном виде, более ранние «истории Даниила» (см. вступление А. Ди Лелья к комментированному переводу этой книги, сделанному им вместе с Л. Хартманом: *The Anchor Bible. Garden City – New York, 1978*). Описание видения статуи во второй главе уже содержало в себе интерполяцию (ст. 43), относящуюся ко времени чуть позже заключения брака между Антиохом II и Береникой (253/2 г. до н.э.) и последовавшей за этим войны Лаодики (246–241 гг. до н.э.); истолкование статуи с помощью идеи четырех мировых империй и особенно трактовка ее ног из железа, смешанного с глиной, в связи с разделом империи Александра (ст. 41) восходила, таким образом, по меньшей мере к первой половине III в. до н.э. Что касается первоначального смысла этого видения, он по-прежнему может быть лишь предметом умозрительных спекуляций.

⁷⁸ В тексте оригинала: *la parousie* – от греч.: *παρουσία*. – *Прим. переводчиков*.

и римского мира, так и у толкователей «Книги Даниила», – успех, скрывший их шаткость. В этом отношении стоит выделить два важных момента.

Прежде всего, и об этом вкратце упоминал Д. Флуссер, убежденный сторонник иранского происхождения теории «четыре империи плюс еще одна», нет никаких доказательств, что Сура добавил к списку из четырех империй Рим, для того чтобы возложить на него восточные надежды на пятую империю, которой суждена вечность⁷⁹. Упомянутое сходство с «Книгой Даниила» носит искусственный характер, так как своеобразие последней заключается в увязывании четырех земных царств с чередованием четырех металлов, которое в других произведениях встречается в совершенно иных контекстах: у греков – начиная с Гесиода⁸⁰, у иранцев – в пехлевийских текстах, относящихся ко времени после арабского завоевания, но отражающих традиции сасанидской эпохи⁸¹. Смена металлов от золота к железу (или железу, смешанному с глиной) всегда подразумевала негативное отношение к четвертому металлу⁸² и могла вести лишь к началу нового цикла (Гесиод) или к эсхатологическому концу света («Книга Даниила», пехлевийские тексты). Просто смена царств не подразумевает ничего подобного, и вечность не могла быть предначертана империи римлян лишь на том основании, что она занимает пятое место в этом списке⁸³.

Кроме того, нет никаких доказательств, что идея смены мировых царств имеет восточное, и в первую очередь иранское, происхождение. Пехлевийские тексты, на которые так охотно ссылаются, не содержат ничего подобного – они касаются лишь только истории маздеизма⁸⁴. К тому же следует различать проблему происхождения мифа о четырех веках, связанных с четырьмя металлами⁸⁵, и проблему происхождения идеи о смене мировых империй. Вполне возможно, как полагал А. Момильяно⁸⁶, что

⁷⁹ Flusser D. The Four Empires in the Fourth Sibyl and in the Book of Daniel // Israel Oriental Studies. 1972. 2. P. 162.

⁸⁰ Hes. Lab. 109–201. Помимо текстов, напрямую восходящих к Гесиоду (*Plato. Rep.* 547 a–b; *Arat. Phaenom.* 96–136; *Ovid. Met.* I. 89–150), интересные параллели предложены: *Burkert W.* Apokalyptik im frühen Griechenland: Impulse und Transformationen / Ed. D. Hellholm. Apocalypticism in the Mediterranean World and the Near East. Tübingen, 1983. S. 235–254; *Burkert W.* Аполлон Дидим и Ольвия // ВДИ. 1990. № 2. С. 155–160.

⁸¹ Dinkard. IX. 8 (The Sacred Books of the East. XXXVII. Oxf., 1892. P. 60–61); Zand i Wahman Yast. I–III (The Sacred Books... V. Oxf., 1880. P. 191–235).

⁸² У Гесиода нет намеков на неуклонную деградацию: она явно прослеживается лишь от золотого века к веку серебряному и, безусловно, от поколения героев (очевидно, добавленного к изначальной мифу) к поколению железного века, самому несчастному, – поэт хотел бы родиться либо раньше либо позже (см. *Vernant J.-P.* Mythe et pensée chez les Grecs P., 1988. P. 23). В иранских текстах лишь только век смешанного железа обрисовывается в отчетливо негативных тонах.

⁸³ Это подтверждается Аппианом (Рим. 132): Риму суждена такая же гибель, как и четырем предыдущим царствам. Эти царства не упоминаются ни в excerpta de sententiis Полибия (XXXVIII. 21), ни у Диодора (XXXII. 24) – без сомнения, речь здесь идет о добавлении Аппиана (ср. Praef. 9–10), хотя Т. Бюттнер-Вобст счел необходимым включить этот текст в свое издание Полибия (XXXVIII. 22).

⁸⁴ О царях здесь говорится лишь в связи с их попытками распространить эту религию, укрепить ее и подавить ереси, но никогда – как о строителях империй. К тому же, если и можно предположить существование в этих текстах мифического пласта, уходящего в ахеменидскую эпоху, то их составление, как мне кажется, приходится на время не ранее сасанидской эпохи. «Апология» Иустина Мученика показывает, что «Оракул Гистаспа» относится к досасанидскому времени; его параллели с «Зенд-и Вахман-Яшт» были отмечены Ж. Биде и Ф. Кюмоном (*Bidez J., Cumont F.* Les Magas hellénisés. II. P., 1938. P. 361–376), однако, заявляя, что «этот сон предвещал смену царств, последним из которых должно было стать царство римлян» (р. 367), авторы вынуждены обращаться к свидетельствам Иустина и особенно Лактанция, так как все, что нам осталось от памятника, вызывает аллюзии с веком смешанного железа, за которым в «Зенд-и Вахман-Яшт» следует финальный апокалипсис.

⁸⁵ См. по этому поводу: *West M.L.* Hesiod. Works and Days. Oxf., 1978. P. 172–177; *Burkert.* Apokalyptik... S. 245f.

⁸⁶ *Momigliano A.* Daniele e la teoria greca della successione degli imperi // RAL. 1980. P. 157–162 (= Settimo Contributo. Roma, 1984. P. 297–304); *idem.* The Origin of Universal History // ASNP. 1982. P. 533–560 (= Settimo Contributo. P. 77–130).

идеей смены империй, намечавшейся уже у Геродота и особенно у Ктесия⁸⁷, автор «Книги Даниила» в большей степени обязан грекам, чем персам. Ахемениды заимствовали царскую титулатуру, в которой выражались претензии на мировое господство и которая издавна использовалась в Ассирии (Месопотамии в целом), но эта в лучшем случае частичная преемственность не может скрыть отсутствие настоящей древнеперсидской историографии.

То, что место в списке после ассирийцев отводится мидянам, а не халдеям, нельзя больше считать аргументом в пользу иранского происхождения рассматриваемой схемы. Поскольку греки не различали ассирийцев и халдеев, Нововавилонское царство было для них всего лишь продолжением Ассирийской державы после падения Ниневии⁸⁸. Как преемники ассирийцев и предшественники персов мидяне воспринимались в Лидийском царстве и подчиненных ему городах Азии. С. Мадзарино высказал оригинальную гипотезу, что $\mu\eta\delta\acute{\iota}\zeta\epsilon\upsilon\upsilon$ изначально обозначало дружественную мидянам и направленную против лидийцев политику ионийских полисов⁸⁹. И когда впоследствии персы выступили как новая великая держава, их в силу привычки удерживать старые названия часто называли мидянами, подобно тому как позже персами стали называть парфян⁹⁰. На смену трем азиатским царствам Ктесия пришло Македонское царство, соединившее *imperium Graeciae*⁹¹ и *imperium Asiae*: таким образом совершился переход от череды азиатских царств к череде мировых империй, в которую совершенно естественно попал Рим.

Не менее спорна и датировка Дж. Свейном сочинения Эмилия Суры. Недостаточно отмечать, как это делает Д. Мендельс⁹², что, рассуждая подобным образом, пришлось бы датировать временем ранее 168 г. до н.э. фрагмент речи Лелида в «Истории» Саллюстия, поскольку в ней содержатся намеки только на войны против Пирра, Ганнибала, Филиппа и Антиоха (Sall. Hist. I. 5.4): на это можно возразить, что тексты этих двух произведений не вполне сопоставимы, поскольку Саллюстий не ставил целью датировать достижение Римом мирового господства, но лишь отбирал из прошлого список *exempla*. Большее значение я бы придал двум другим аргументам. Во-первых, Дионисий Галикарнасский, автор эпохи Августа, совершенно определенно датирует *translatio imperii* временем побед над Ганнибалом и Филиппом, когда пишет, что вот уже седьмое поколение длится мировое господство Рима, наступившее после поражения Карфагена и Македонии⁹³. Со временем наметилась тенденция забывать,

⁸⁷ Именно у Ктесия (насколько можно воссоздать его труд на основе второй книги Диодора) говорится о настоящей смене царств. Геродот не считал ассирийцев предшественниками персов в качестве владык всей Азии, а о Мидийском царстве Киаксара в освещении Геродота следовало бы говорить скорее как о *renovatio*, а не *translatio imperii* (ср. I. 95).

⁸⁸ Такова интерпретация Геродота (I. 106, 178). Согласно Ктесию, Нин основал Ниневию, а его вдова Семирамида – Вавилон (*Diod.* II. 3.4; 7.2).

⁸⁹ *Mazzarino S. Fra Oriente e Occidente.* Firenze, 1947. P. 96–97.

⁹⁰ Такая подмена наверняка облегчалась еще и тем, что Мазар и Гарпаг, подавлявшие от имени Кира восстание лидийцев и малоазийских полисов, были мидянами (*Herod.* I. 154–177).

⁹¹ Ср. *Rhet ad Heren.* IV. 25.34: *imperium Graeciae fuit penes Athenienses; Atheniensium potiti sunt Spartiatae; Spartiatae superavere Thebani; Thebanos Macedones vicerunt, qui ad imperium Graeciae brevi tempore adiunxerunt Asiam bello subactam.*

⁹² *Mendels D. The Five Empires. A Note on a Propagandistic Topos // AJPh.* 1981. P. 330–337.

⁹³ *Dion. Hal. Ant. Rom.* I. 3.5: $\gamma\epsilon\upsilon\epsilon\delta\upsilon\nu\ \epsilon\beta\delta\omicron\mu\eta\nu\ \eta\delta\eta\ \tau\eta\nu\ \epsilon\pi'\ \epsilon\mu\omicron\upsilon\ \delta\iota\alpha\epsilon\upsilon\epsilon\iota\ \pi\alpha\nu\tau\omicron\varsigma\ \alpha\rho\chi\omicron\upsilon\sigma\alpha\ \tau\omicron\pi\omicron\upsilon.$ Таким образом, следует насчитывать более шести полных поколений, а предисловие было написано в 7 г. до н.э. Обычно на основании I.9.4 и I. 71.10 считается, что одно поколение у Дионисия составляет 27 лет, в этом случае получаем 196–169 гг. до н.э. (один год после Киноскефал и один – до Пидны, что нас не совсем устраивает, поскольку это слишком поздно или слишком рано для какой-либо из двух побед над Карфагеном). Однако представляется, как заметил Г. Додвелл, что для периода правления царей Дионисий довольствуется подсчетом поколений исходя из числа имен в списке царей; аналогичным способом, а не подсчетом, где за основу берется 27 лет, объясняются 16 поколений в I. 9.4. Отрывки, которые следует использовать для объяснения I. 3.5, это: III. 69.6 (где вовсе не обязательно исправлять текст, если полагать, что подсчет ведется с момента основания Рима), VII. 1.6 (который абсолютно исключает *genea* по 27 лет),

что безусловное господство римлян признавалось постепенно (последнее было известно Полибию, это же подтверждают и тексты оракулов), и особо выделять в этой связи первую победу над Македонией. Мы уже отмечали данную тенденцию у Помпея Трога, который переосмысливает в терминах *translatio imperii* оракул о появлении острова Гиеры. Кроме того, мне представляется едва ли возможным появление произведения, подобного «*De annis populi Romani*» в первые десятилетия II в. до н.э., замысел такого текста после первопроходческих работ Варрона и Аттика кажется более понятным в ситуации, когда трудно предложить более точную датировку. Особенностью текста Суры остается значение, приписываемое победе над Антиохом. Ничего подобного нет ни у Юстина, ни во введении Дионисия Галикарнасского: можно предположить, что Сура, объявляя римскую державу наследницей ассирийского царя Нина, не считал возможным для себя обойти молчанием победу римлян над сирийским царем Антиохом.

Остается сказать, что значительная часть государства Селевкидов попала в руки парфян, а не римлян. В отдельных фразах Страбона и Помпея Трога (если, конечно, можно полагаться на Юстина) парфяне предстают соперниками или даже равными римлянам⁹⁴. Но и в том, и в другом случае признание парфянской мощи сочетается с возвеличением мирового могущества Августа⁹⁵. Последние работы К. Николе и П. Бранта⁹⁶ позволяют мне сделать следующий краткий вывод в связи со сказанным.

Римская держава никогда не ограничивалась лишь своими провинциями. Уже у Полибия не было сомнений, что римляне властвовали над всеми, кто не осмеливался противиться их приказам, каков бы ни был юридический статус этих подвластных⁹⁷. Значительное развитие на Востоке системы клиентских связей с царями стало результатом политики Помпея, прошедшего своими походами от берегов Меотиды до побережья Красного моря (два залива Океана в представлении древних⁹⁸) и как никто из римлян до него подражавшего Александру в завоевании ойкумены⁹⁹. Катастрофа при Каррах и провал парфянской кампании Антония были сглажены дипломатическими успехами Августа – от возвращения знамен до пребывания в Риме на положении заложников четырех законных сыновей «царя царей». В то же время, даже если наиболее агрессивной политика Августа была на Западе, на Востоке она не ограничивалась лишь пропагандой и дипломатией: достаточно вспомнить об аннексии Египта, мерах по обеспечению контроля над торговыми путями из Красного моря в Индию, армянской политике. Однако как никогда прежде империя включала в себя самые разные формы господства: от прямого управления до дипломатических обменов, рассматриваемых в качестве акций признания римского главенства и величия. С этой точки зрения поучительно чтение глав 25–33 «*Res Gestae*»: Август не упустил случая собрать все сведения, намекающие на зависимость Парфянского царства, а также включить упоминания о посольствах от индийских царей¹⁰⁰. Карта мира на стенах портика Агриппы должна была показать, что мир стал римским¹⁰¹.

И какое было дело до скучных педантов, этих «самых вздорных из греков, готовых

XII. 14.1 (где подсчет, безусловно, натянутый из-за стремления сопоставить 10 поколений с 10 годами осады, но в любом случае исключаящий *genea* по 27 лет). Наиболее приемлемое решение – подсчет, в котором за основу следует брать поколение в 30 лет. В этом случае упоминаемые Дионисием победы, принесшие Риму мировое господство, можно было бы датировать 217–187 гг., что целиком и полностью согласуется с двойной ссылкой на победы над Карфагеном и Македонией.

⁹⁴ *Strabo*. XI. 6.4; 9.2; XVII. 3.24; *Just*. XLI. 1.1.

⁹⁵ *Strabo*. VI. 4.2; XVI. 1.28; *Just*. XLII. 5.10–12.

⁹⁶ *Nicolet C. L'inventaire du Monde. Géographie et politique aux origines de l'empire romain*. P., 1988; *Brunt P.A. Roman Imperial Themes*. Oxf., 1990, особенно главы 5 и 18.

⁹⁷ *Richardson J.S. Polybius' View of the Roman Empire // PBSR*. 1979. P. 1–11.

⁹⁸ *Plin*. NH. VII. 97; см. также *Diod*. XL. 4.

⁹⁹ *Bellen H. Das Weltreich Alexanders des Grossen als Tropaion im Triumphzug des Cn. Pompeius Magnus* (61 v. Chr.) // *Mél G. Wirth*. Amsterdam, 1988. P. 865–878; *Nicolet*. Op. cit. P. 45–47, 53–55.

¹⁰⁰ *Nicolet*. Op. cit. P. 28–40; *Brunt*. Op. cit. P. 436.

¹⁰¹ *Nicolet*. Op. cit. P. 103–133.

из зависти к римской славе превозносить даже парфян»¹⁰², утверждавших, будто Александр покорил бы римлян, если бы у него хватило времени осуществить свои планы? Куда серьезней звучали заявления парфянского царя Артабана III, который «пренебрежительно относился к Тиберию, считая, что тот по старости неспособен к войне», и открыто «говорил о старых границах персов и македонян, бахвалясь и угрожая вторгнуться во владения Кира и Александра»¹⁰³. Выставляя себя преемником и наследником персов, стремясь уничтожить все следы завоевания Азии Александром¹⁰⁴, Артабан отвергал римские притязания на мировое господство и восстанавливал разделение ойкумены на Восток и Запад. И не всегда можно было отделаться пренебрежительным замечанием, что «это – всего лишь бахвальство и угрозы», особенно после того как Аршакидов сменили Сасаниды. Начав с греческих надписей из Ай-Ханум и Кандагара, напомним в заключение, что в 1958 г. не только был опубликован эдикт Ашоки на греческом и арамейском языках, но и вышло в свет первое критическое издание греческого текста большой триумфальной надписи Шапура I¹⁰⁵, выполненной на трех языках – среднеперсидском, парфянском и греческом*.

L'«OIKOUMÈNE», L'ORIENT ET L'OCCIDENT D'ALEXANDRE
LE GRAND À AUGUSTE: HISTOIRE ET HISTORIOGRAPHIE

J.-L. Ferrary

Les découvertes, notamment épigraphiques, faites en Bactriane (Aï Khanoum) et en Arachosie (Kandahar) ont montré que la pénétration de l'hellénisme dans ces régions avait été plus importante qu'on aurait pu le soupçonner. Cette discordance s'explique par des raisons historiques (en particulier le fait que le développement des royaumes indo-grecs n'eut lieu qu'après la sécession de la Bactriane et alors que le déclin de la monarchie séleucide était déjà sensible), mais aussi historiographiques. Avec Polybe, et sans doute Posidonius, l'historiographie universelle se déplace vers l'Occident aux dépens de l'Orient, comme elle l'avait fait déjà, dans une moindre mesure, avec Éphore, et malgré l'invasion de tendance provoquée entre temps par les conquêtes d'Alexandre: la défaite par les Romains d'un Antiochos III auréolé de la gloire (en partie factice) d'avoir restauré l'empire séleucide jusqu'à ses marches indiennes dut contribuer à la création de la vision polybienne d'un monde réellement unifié par la conquête romaine. Un historien comme Apollodore d'Artemita tenta vainement, avec ses *Parthica* qui

---

¹⁰² Liv. IX. 18.6: levissimi ex Graecis qui Parthorum quoque contra nomen Romanum gloriae favent (приведенный выше перевод цит. по: *Тит Ливий. История Рима от основания Города*. Т. I. М., 1989. Пер. с лат. Н.В. Брагинской. – *Прим. переводчиков*).

¹⁰³ Tac. Ann. VI. 31.1 (цит. по: *Корнелий Тацит. Соч.* в 2-х томах. Т. I. СПб., 1993. Пер. с лат. А.С. Бобовича. – *Прим. переводчиков*). Та же тема возврата к границам, существовавшим до завоеваний Александра, приписывается сасанидской пропаганде Ардашира I (*Dio. LXXX. 3; Herodian. VI. 2.2*) и Шапура II (*Ann. Marc. XVII. 5.5*).

¹⁰⁴ Й. Вольский справедливо подчеркнул важность данного текста (*Wolski J. Les Achéménides et les Arsacides. Contribution à l'histoire de la formation des traditions iraniennes // Syria. 1966. P. 65–89*). Должно быть, именно тогда же Аршакиды объявили о своем ахеменидском происхождении: эта традиция, следов которой мы не найдем у Юстина, известна благодаря комментарию Фотия к «Парфике» Арриана (*Wolski J. L'historicité d'Arasce I // Historia. 1959. P. 222–238*; в своих более поздних работах Й. Вольский пытается – с меньшей убедительностью – возвести эту традицию к концу II в. до н.э.: *idem. L'origine de la relation d'Arrien sur la paire des frères arsacides, Arsace et Tiridate // Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia / Ed. J. Harmatta. II. 1979. P. 67–74*).

¹⁰⁵ *Maricq A. Res Gestae Divi Saporis // Syria. 1958. P. 295–360*.

* Перевод Ю.Н. Литвиненко и Е.В. Ляпустиной.

ne traitaient pas seulement de l'établissement de l'empire parthe mais aussi des conquêtes des royaumes indo-grecs, de rééquilibrer une telle interprétation de l'histoire universelle, en célébrant les divers aspects de l'hellénisme oriental. Strabon, qui l'utilisa, se montra sceptique quant aux informations qu'il fournissait sur les royaumes indo-grecs. L'historien occidental sur lequel il exerça l'influence la plus sensible paraît avoir été Trogue Pompée, mais de son œuvre nous ne conservons malheureusement que les prologues et le maigre épitomé de Justin. Le thème d'une succession des empires universels qui s'achèverait avec Rome n'apparut que progressivement. La littérature oraculaire montre que les victoires remportées sur Philippe V et Antiochos III n'avaient pas suffi à l'établir. Une étape importante fut sans aucun doute la défaite de Persée et la destruction de la monarchie macédonienne. Un texte comme le fragment d'Aemilius Sura interpolé dans le texte de Velleius Paterculus ne remonte certainement pas aux années 180 ou 170, comme on l'admet souvent à la suite de J.W. Swain, mais beaucoup plus probablement à la fin de la République romaine ou à l'époque augustéenne. Rome put alors se proclamer l'héritière des monarchies assyrienne, mède et perse, c'est-à-dire d'empires universels qui étaient en fait essentiellement des empires asiatiques. Pour cela, il fallait que l'Inde continuât d'être reléguée, en quelque sorte, hors de l'histoire, il fallait aussi que l'empire parthe apparût, non pas comme un rival de l'empire romain et un héritier de l'empire perse, ce qu'il était en fait, mais comme une sorte de royaume sujet plus ou moins soumis à l'hégémonie romaine: tout l'effort d'Auguste avait été de faire admettre une telle interprétation des rapports romano-parthes, en occultant l'incapacité, puis le renoncement de Rome à soumettre par les armes une puissance orientale qui mettait en cause sa prétention à l'empire universel.